

0- 780008

На правах рукописи



РУДНЕВ Евгений Николаевич

**КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ПОЛЕ «ДОМ»
В РОМАНЕ А.И. ЭРТЕЛЯ «ГАРДЕНИНЫ»**

10.02.01 – русский язык

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Калининград

2009

Работа выполнена в ГОУ ВПО «Липецкий государственный педагогический университет»

Научный руководитель

доктор филологических наук, профессор
Звездова Галина Васильевна

Официальные оппоненты

доктор филологических наук, профессор
Берестнев Геннадий Иванович
(РГУ им. Канта, Калининград)
кандидат филологических наук, доцент
Фомин Александр Игоревич
(СПбГЭТУ «ЛЭТИ», Санкт-Петербург)

Ведущая организация

Тверской государственный университет

Защита состоится 26 ноября 2009 года в 16.00 часов на заседании диссертационного совета К 212.084.04 при Российском государственном университете им. И. Канта (236022, г. Калининград, ул. Чернышевского, 56, факультет филологии и журналистики, ауд. 231).

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Российского государственного университета имени Иммануила Канта.

Автореферат разослан 24 октября 2009 г.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ



0000530254

Ученый секретарь
диссертационного совета

О.Л. Кочеткова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

На современном этапе развития языкознания и когнитологии доминирует процесс интеграции дисциплин в сфере гуманитарного знания. В связи с этим когнитивная лингвистика с ее вниманием к языковой личности в пространстве русской языковой модели мира во многом определяет развитие современной лингвистики в целом (см. работы Ю.С. Степанова, Е.С. Кубряковой, Ю.Н. Караулова, М.Я. Дымарского, З.Д. Поповой, И.А. Стернина, Р.М. Фрумкиной, А.Д. Шмелева, Л.Г. Савельевой, Л.В. Миллер, Г.И. Берестнева и др.). Магистральное направление исследований языка, на наш взгляд, исходит из теoантропокосмической научной парадигмы, что предопределяет характер и круг вопросов, решаемых лингвистами в последнее время.

Все более очевиден интерес к концепции *живого Слова*. «Человек в мире» и «мир в человеке» – эти проблемы представляются актуальными не только для психологов и психолингвистов (А.Р. Лурия, Л.С. Выготский, А.А. Залевская, В.А. Пещальникова и др.), но и лингвистов (Е.С. Кубрякова, В.В. Колесов, Г.В. Звездова, Л.Г. Савельева и др.), изучающих историю и современное состояние русского языка, жизнь слова в языке и речи с точки зрения отражения в нем ментальности этноса. Известно, что еще В. фон Гумбольдт понимал язык как «мир, лежащий между миром внешних явлений и внутренним миром человека» [Гумбольдт 2000: 304].

Идеи, согласно которым слово является важнейшим феноменом культуры, развивались активно представителями русской религиозной философии. Так, П.А. Флоренский отмечал, что «сила действия слова <...> в спиральности его строения, почему слово втягивает, всасывает в себя и затем себе подчиняет. Слово – конденсатор воли, конденсатор внимания, конденсатор всей душевной жизни» [Флоренский 2006: 241]. Более того, в слове он видел выход «из пределов своей ограниченности и соединение с безмерно превосходящей <...> собственную волю целого народа». Уже тогда в ходе рассуждений философ пришел к выводу о том, что «Слово синэргетично» [Флоренский 2006: 240]. К мысли о «жизненной энергии» *живого слова* так или иначе приходят сейчас ученые, чьи работы посвящены роли слова в когнитивно-ментальных исследованиях (В.В. Колесов, А.М. Камчатнов и др.).

Именно такое понимание слова позволило увидеть в концептуализме как методологии исследования новое направление в науке, а с онтологической точки зрения особый тип познания [Колесов 1990 –2007]. Так что описание важнейших концептов русской культуры как единиц ментальности немыслимо без

опоры на специфику национальной культуры. Работа выполнена на методологической базе современных когнитивных исследований.

Актуальность диссертации определяется *теоантропокосмической парадигмой* исследования, детерминирующей *когнитивный подход* к языковой личности А.И. Эртеля; отсутствием работ, посвященных изучению языка романа А.И. Эртеля «Гарденины», что позволяет реконструировать языковую и речевую действительность конца XIX в. и тем самым расширить систему представлений о специфике *русской языковой картины мира*.

Объект данного исследования – языковое воплощение художественного пространства романа А.И. Эртеля «Гарденины».

Предмет исследования – концептуальное поле «дом» и его конститuentы в художественном пространстве романа А.И. Эртеля «Гарденины» в их речевом воплощении.

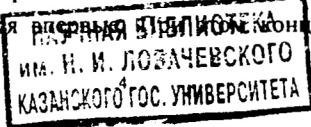
Цель исследования – описать концептуальное поле «дом» в тексте романа А.И. Эртеля «Гарденины», выявить и охарактеризовать его конститuentы, эксплицирующие сущностные черты национальной ментальности как речезыковые категории в их взаимодействии.

Поставленная цель предполагает решение ряда конкретных задач:

- *выявить* основные принципы речезыковой объективации концептуального пространства в тексте романа;
- *выделить* и *описать* слова-символы как гиперонимы исконного родового смысла в тексте романа;
- *раскрывая* семантику и смысловые приращения текстовых единиц исследуемого концептуального поля, описать специфику системности последних, охарактеризовать их в лексико-семантическом и ассоциативном плане;
- *выявить* и *описать* механизм концептуального и семантического взаимодействия составляющих исследуемого концептуального поля «дом» в тексте романа.

Научная новизна исследования определяется тем, что в настоящее время несомненным является интерес к изучению ментальных единиц в художественном тексте, к формальным и содержательным особенностям национальной репрезентации пространственных категорий (В.Н. Топоров, Ю.М. Лотман, Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров, М.М. Бахтин, В.В. Колесов, Е.С. Яковлева, Ю.С. Степанов, Т.В. Цивьян, Г.И. Берестнев, Р.В. Алимпиева, М.А. Дмитриовская и др.).

Роман А.И. Эртеля «Гарденины» в плане изучения языкового воплощения пространства анализируется *впервые* как концептуальное поле «дом»



рассматривается как ментальная категория, воплощающая *обжитое* пространство и *обживаемый* локус. Такое видение достаточно точно отражает исконную специфику восприятия пространства в культурной традиции русского народа. Вместе с тем описываются основные принципы языковой объективации пространства как концептуально значимой категории художественного текста. С этой целью в работе выстраиваются концептуальные парадигмы и обосновываются научные позиции репрезентации концептуального поля «дом» в художественном пространстве романа.

Материалом для исследования послужил прозаический текст конца XIX века. Этот период расцвета русской литературы традиционно озаглавлен именами таких выдающихся русских писателей, как Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский, И.С. Тургенев и др. Однако не стоит забывать о том, что их мировидение, индивидуально-авторский стиль формировались под воздействием писателей «средней руки», одним из которых и является А.И. Эртель, самобытностью языка которого восхищались многие его современники, в том числе Л.Н. Толстой, И.А. Бунин.

Помимо материалов исследования собственно художественного текста, в работе достаточно широко (что предопределено целью исследования) представлена афористика – пословицы и поговорки русского народа, отражающие народное мирозерцание и мировидение. Использовались также данные лексикографических источников: исторических и современных толковых, этимологических, историко-этимологических, фразеологических и энциклопедических словарей, а также материалы энциклопедических и справочных изданий. Привлекались данные личной картотеки, насчитывающей около 4 тысяч карточек.

Цель и задачи диссертации определили комплексную **методику исследования**. В работе использовались следующие методы: этимологический (активно исследуется этимология слова); сопоставительный (привлекаются факты древних и современных индоевропейских языков); исторический (привлекаются факты прошлого русского языка); описательный (привлекаются факты языка второй половины XIX века); функциональный (анализируется форма и содержание); концептуальный (слово описывается как концепт в самых разных его проявлениях и развитии).

Положения, выносимые на защиту:

1. Многослойное концептуальное поле «дом» в художественном тексте романа А.И. Эртеля «Гарденины» создается взаимодействием конstituентов «двор», «сад», «степь» и воспринимается как символически целостная категория культурно-исторического плана;

2. Концептуальное поле «дом» репрезентируется в тексте как речезыковой феномен посредством специфичных слов-символов, а также по-своему организованных лексико-семантических, лексико-тематических, ассоциативных групп;

3. Слова-символы в художественном тексте романа несут ментальную информацию, интегрируя отдельные локусы художественного пространства романа в целостную индивидуально-авторскую языковую картину мира;

4. Основным принципом речезыковой объективации пространства в тексте романа А.И. Эртеля «Гарденины» выступает не оппозиция, а дихотомия;

5. В качестве ведущей дихотомии выступает антиномия «свое – чужое», которая, отражая национальное мировидение, реализует в тексте романа А.И. Эртеля «Гарденины» смысл «обжитое – обживаемое» пространство.

Практическая значимость работы заключается в возможности использования материала и полученных результатов исследования при составлении словарей концептов, в научных трудах, связанных с изучением особенностей идиостиля А.И. Эртеля. Результаты диссертационной работы могут найти применение в вузовских курсах лексикологии, филологического анализа текста, стилистики; в курсах по лингвокраеведению; при чтении спецкурсов и спецсеминаров по языку художественной прозы; в научной работе студентов и аспирантов; на уроках комплексного анализа текста, в школьном курсе русской словесности в классах с углубленным изучением предметов гуманитарного цикла.

Теоретическая значимость настоящего исследования состоит в дальнейшем расширении смыслового наполнения онтологической оппозиции *свое – чужое* в рамках концептуального поля «дом». Мировидение, реализуемое в индивидуально-авторской языковой модели, созданной писателем, неразрывно связывает в единое целое человека и окружающий его мир. Важно, что не только индивид определяет пространство, но так же и пространство определяет качества характера, формирует его. Являясь символами, детали, вещи, слова несут в романе «Гарденины» новые концептуально важные смыслы. Они же эксплицитно и имплицитно организуют целостное концептуальное поле. Важно отметить, что это феноменальное единство в восприятии пространства объясняется тем, что бытовые и бытийные сущности в художественном тексте синкретичны. Обращаясь к анализу

языкового воплощения художественного пространства романа, нам удалось исследовать и описать индивидуально-авторские особенности языковой картины мира писателя, выражающие идеи в первую очередь национальной ментальности.

Апробация работы. Основные положения диссертации отражены в 10 публикациях, две из которых в изданиях, рекомендованных ВАК, общим объемом 3,6 п.л. и докладах на ежегодных научных конференциях профессорско-преподавательского состава ЛГПУ (2005, 2006, 2007, 2008); Всероссийских научно-практических конференциях «Филология и школа» (Москва 2006), «Мировая словесность для детей и о детях» (Москва 2006, 2007); IV Международной научно-практической конференции «Русский язык и литература: проблемы изучения и преподавания в школе и вузе» (Киев 2006), Международной научно-практической конференции «Русская словесность как основа возрождения русской школы» (Липецк 2007, 2008), Международной филологической конференции (Санкт-Петербург 2007); региональной конференции, посвященной памяти С.В. Красновой (Елец 2008).

Структура работы определяется целью и задачами, поставленными в исследовании. Диссертация состоит из введения, трёх глав, заключения и библиографического списка. Главы подразделяются на параграфы, в конце каждой главы содержатся выводы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Во введении определены объект исследования, его предмет, научная новизна, теоретическая и практическая значимость, поставлены цель и задачи, обоснована актуальность, указаны основные источники материала исследования, приведен перечень положений, выносимых на защиту, описаны исследовательские методы.

В первой главе «**Теоретические предпосылки исследования**» дается обзор работ по семиотике, лингвокультурологии, когнитивной лингвистике, позволяющий сделать вывод: существующие в рамках этих направлений терминологические разночтения относительно понятий *концепт*, *концептуальное поле*, *семантическое поле*, *слово-символ* обусловлены разностью подходов и относительной новизной научного направления. Исходя из этого, следует признать, что неустоявшийся терминологический аппарат предполагает множественность интерпретаций не только заявленных терминов, но и смежных понятий. Такой инструментарий предполагает наличие нескольких подходов к решению поставленных задач. Взаимоисключающие определения *концепта* во многом провозглашают тенденциозные практические исследования. Выход из сложившейся

ситуации, очевидно, определяется не столько механическим соединением определенных аналитических баз, сколько органичным синтезом подходов.

Вместе с тем стоит отметить, что все ученые говорят о концепте как о ментальной сущности, имеющей ценностную маркированность (В.В. Колесов, Н.Д. Арутюнова, М.В. Пименова, Л.Г. Бабенко, Ю.В. Казарин, Р.В. Алимпиева и др.).

Всестороннее описание концепта помогает рассмотреть слово в диахронии, от этимона, слова-синкреты и до настоящего его состояния. Вот почему наше исследование основывается на определении концепта, введенном в научный оборот В.В. Колесовым, согласно которому концепт изначально связан с этимоном слова и понимается как «результат предыдущих культурных движений смысла, дошедших до нас» [Колесов 2004: 54]. Концепт постепенно обрывает слоями дополнительных признаков, увеличивающих его объем и насыщающих его содержание. При этом нами принимается взгляд на концепт не как на *conceptus*, условно передаваемый термином «понятие», но как на *conceptum* – «зародыш, зернышко» первосмысла (*сперма* у Аристотеля), из которого и произрастают в процессе коммуникации все содержательные формы его воплощения в действительности («понятие», «образ», «символ»).

Концепт является «свернутой точкой потенциальных смыслов», «архетипом мысли», «внутренней формой слова», результатом столкновения словарного значения слова с личным опытом человека и его национальной принадлежностью. Концепт не одномерен и особым образом структурирован. Работы Е.С. Кубряковой, З.Д. Поповой, И.А. Стернина и др. убедительны в плане признания полной структуры концепта.

Концептуальное поле обладает специфичными свойствами и признаками: высвечивает тесное взаимодействие ядерного концепта и конститuentов поля; рассматривается с точки зрения синхронии и диахронии; опирается на традицию и специфику национального концепта; имеет общекультурный и ассоциативный фон; характеризуется онтологическими признаками, определяющими его организацию в языке и тексте.

Вслед за М.В. Пименовой концептуальное поле осмысливается нами как содержательная категория, зафиксированная в языковых единицах картины мира. Его структура сформирована благодаря нескольким важным признакам: «1) *мотивирующим признакам* слова, которые непосредственно связаны с историей слова и жизнью его в языке; 2) *образным признакам*, актуализирующимся через ту или иную сочетаемость; 3) *понятийным признакам*, создающим так или иначе семантическое поле; 4) *ценностным признакам*, которые, безусловно, скрыто или

явно отражают ментальные характеристики этноса; 5) *функциональным и символическим признакам*, раскрывающим сакральный характер того или иного концепта» [Пименова 2008: 294-295].

Неотъемлемой частью концептуального поля является *слово-символ*, которое определяется как «знак знака», тот словесный знак, который «указывает на что-то, одновременно передавая значение чего-то другого» [Колесов 2002: 37]. Более того, символ в слове не просто синтезирует его уровни (образ и понятие – Е.Р.), но и приближается к более общему содержанию слова, то есть концепту. В то же время слово-символ определяется нами с учетом его этнолингвоментальной составляющей как «гипероним родового смысла» [Колесов 2002: 101].

Основополагающее понятие *текст* осмысливается нами вслед за М.Я. Дымарским как «особая развернутая вербальная форма осуществления речемыслительного произведения» [Дымарский 2001: 24]. При этом «художественный текст» выступает как двуплановая единица, сочетающая в себе элементы речи и языка. При этом язык художественного текста представляет собой особую знаковую систему, которая характеризуется множественностью интерпретаций и использованием словесных знаков в их вторичном кодовом значении [Тураева 1986: 14 – 15]. Таким образом, в художественном тексте происходит преобразование общезыковых средств под воздействием индивидуально-авторского замысла с учетом эвристических возможностей художника слова.

Всесторонний анализ этнографической и культурологической литературы по теме диссертационного исследования позволил сделать вывод о том, что «дом» – древний архаический символ, связанный с дихотомией *подвижность – оседлость* [Трубачев 2003: 212]. Известно, что славянин был человеком оседлым. Для него дом являлся центром быта и Бытия. В нем «сосредоточивались самые живые его интересы и хранились самые заветные предания и верования» [Афанасьев 1986: 63].

Во внутреннем пространстве дома особым почетом пользовались печь и красный угол, которые формировали ось пространства, разделяя его на мужское и женское, языческое и христианское. Тесная связь с миром отразилась в понимании внешних границ (окна, двора и др.) как сакрально значимых топосов. Дом понимается как жилище, бытие, жизнь; основная функция которого состоит не только в защите и отгороженности от внешнего мира, но и во взаимодействии с этим огороженным миром. Именно в доме могла присутствовать «вся боготворящая сила природы» [Афанасьев 1986: 69].

Во второй главе «Дом как ядерная лексема концептуального поля «дом» в тексте романа А.И. Эртеля "Гарденины"» анализируются как собст-

венно языковой концепт «дом», так и его конкретная реализация в тексте романа А.И. Эртеля «Гарденины».

В первом параграфе «Содержательная характеристика концепта "дом"» в ходе описания собственно лексемы *дом* выявлены смысловые грани, свидетельствующие о длительном процессе формирования исследуемого слова-концепта в языковом сознании русского народа.

Важно, как нам представляется, то, что слово *дом* изначально осмысливается не как актуализатор дискретного пространства, а как синтезатор, воплощающий созидательные идеи русского Космо-Психо-Логоса [Гачев 1995]. Дом, не являющийся в классической философии категорией, в русской картине мира становится важной константой мировидения, пространственно-временным фокусом Бытия.

В подпункте «1.1. Понятие *дом* в русском языковом сознании» обосновывается материалами лексикографических источников, в которых *дом* представляется как пространственная и нравственно-этическая категория. Уже исходные значения слова *дом*: 1. Жилое помещение, строение, квартира; 2. Род, семья; люди, живущие вместе; 3. Хозяйство отдельной семьи; 4. Династия, род, поколение; 5. Учреждение, предприятие; 6. Храм, церковь; 7. Гроб, могила, – явно свидетельствуют о наложении реально-физических и сакрально-духовных смыслов. Более того, языковой материал в полной мере отражает специфику целостного восприятия быта и Бытия русским человеком. Это неразрывное единство стягается и ментальными представлениями, фиксирующими речезыковые процессы. Взаимообусловленность развития языка и национального характера в представленном материале очевидна.

Особый интерес представляет синонимический ряд *дом* – храм святой Софии – Новгород (город) [Срезневский: 1, 701], в котором лексема *дом* приобретает особое, сакральное значение, что подтверждается также наличием и толкованием имен собственных – *София* и *Новгород*. Все это свидетельствует о том, что в сознании древнего человека происходило выделение из особого освященного пространства особенного и одновременно наблюдалось разрастание, актуализация части (храма) как целого (города). Таким образом, фиксируется сам путь познания православного древнего русича – человека, уже принявшего христианские ценности. Формулы «дом есть мир» и «мир есть дом» полностью соответствуют специфике русской картины мира. Очевидно, пространство дома способно расширяться в своих границах до масштабов родного края, родины и сужаться до сакрального локуса – могилы, гроба, домовины. Таким образом, лексема *дом* представляет смысловой пульсар, который фиксирует живую и целостную природу мира.

В подпункте «1.2. Лексема *дом* как репрезентант концепта "дом"» ядерный концепт «дом» в тексте романа «Гарденины» представлен с помощью вариантов, составляющих лексико-семантическую группу с доминантой *дом*: *изба*, *клеть*, *лачуга*, *мазанка* и др. Индивидуально-авторское осмысление исследуемой пространственной категории социально маркировано. В контекстах, связанных с гарденинским домом, актуализируются следующие значения: «строение для жительства; жилище» («Да ведь поработал неделю – опять в деревню воротиться... ну, *дом* проведать, хлеба взять...» [с. 158]); «фамилия владетельного Государя» («Гарденины исстари имели здесь свой *дом* и <...> родство с двумя-тремя подлинно *аристократическими домами* давали им возможность от времени до времени появляться в большом свете и иметь там хотя и скромное, но все-таки твердо упроченное положение» [с. 33]) [Сл. 1847: I, 350 – 351]. Вместе с тем в определениях дома *господский*, *генеральский* и *гарденинский* фиксируются следующие смысловые приращения: «принадлежность дворянскому дому» («Гарденинская усадьба заплатила ей только одним Агеем Данилычем...» [с. 289]); «вторичный ноумен жителя села по названию местности» («За перегородкой пили чай и водку "молодые люди": все гарденинские, фельдфебель Корпылев, два-три конюха, пришедшие с поздравлением» [с. 422]); «служить» («И по мере того как он (Ефрем – Е.Р.) убеждался, что "с этим все покончено", что Фелицата Никаноровна не замедлит поставить на ноги весь дом, всю дворню, "всех явных и тайных *гарденинских рабов*"» [с. 432]); «отличительная характеристика пространства» («<...> так стало жаль расстаться с Гардениным, таким новым и ласковым выражением засквозили гарденинские поля, степи, леса, люди...» [с. 475]); «уклад» («Николаю казалось, что гарденинская старина с ласковою грустью улыбается ему, что багряные дубы и золотые липы невятно шепчут о прошлом, о невозвратном» [с. 546]).

В тексте романа гарденинский дом – это центр деревенской жизни, который организует все окружающее пространство. Это символ, эксплицирующий значения «имущество» («У татап – приданое, да еще вдовья часть: *дом*, рязанские акции...» [с. 27]); «власть» («Помнил /Николай. – Е.Р./, как отец *водил его на поклон к господам, заставлял шагов за двадцать от барского дома снимать шапку, целовать ручку у генеральши, почтительно вытягиваться* и опять-таки *снимать шапку* при встрече с барчуками и с барышней» [с. 84]); «неравенство» («Ефрем с любопытством осматривался, видел все те же конюшни, флигеля, *барский дом*, мимо которого пробегал, бывало, в страхе и трепете с шапкой в руках» [с. 328]).

Особое место в актуализации пространства в романе занимает имя, которое в тексте проявляет дискретную природу. Так, имя собственное *Соня-Элиз*, в функ-

ционировании которого уже намечается дихотомия «свое – чужое», и вторичные номинации *скрипка*, *виолончель* преобразуют внутреннее пространство, сопоставляя и отождествляя *дом* с *театром*, *эшафотом*: «Она идет вдоль *партера*, торопливо переступая ногами, не смея поднять глаз – ото всюду устремлены на нее насмешливо-любопытные взгляды, – пробирается куда-то вдаль, к *эстраде*, где виднеется безмолвный *оркестр*» [с. 29]; «И видит – *эстрада* сделалась как-то ниже залы, приходится всходить по ступенькам» [с. 31]. Такой локус, с одной стороны, сакрален, а с другой – обладает разрушительной силой. На это указывает семантическое наложение и концептуальное единство несопоставимых на языковом уровне перечисленных выше лексем.

В подпункте «1.3. Лексема *изба* как репрезентант концепта "дом"» показано, что анализируемое в тексте слово *изба* по своему смысловому наполнению также восходит к дихотомии «свое – чужое», приобретая более конкретное звучание в изучаемом тексте – «дом – дорога». В романе *изба* становится своеобразным фокусом, определяющим соположенность свободы и зависимости, закона господского – закона мирского – закона Божьего. В этой связи лексемы *мир*, *сходка*, *отдел*, *свара*, *драка*, числительные *три*, *один* в единстве реально-физических и сакрально-духовных смыслов фиксируют целостность дома как внутреннего пространства.

Во втором параграфе «Слова-символы со значением границы как репрезентанты концепта "дом"» периферия концепта «дом» в тексте романа представлена словами-символами *окно*, *дверь*. Диффузная природа границ дома достаточно очевидна. *Окно*, например, актуализирует как внутреннее пространство, так и внешнее: «В *окнах* там и сям засветились огни. Никому не хотелось спать, и всем хотелось побыть на народе» [с. 116]; «Странно высокая девушка (Элиз – Е.Р.) лет семнадцати, с гибким и опять-таки до странности тонким станом, с неправильными, но чрезвычайно выразительными чертами бледного личика, стояла у *окна* и смотрела в сторону Невы» [с. 31]. Мифологизм этих слов-символов раскрывается в значении «сакральная граница». Тем самым актуализируется диалектическое противопоставление / соположение, явленное в онтологических оппозициях «ночь – день», «тьма – свет», «свое – чужое».

Являясь границей, отражающей внешний мир, *окно* в тексте романа актуализирует значение «зеркало». В этом смысле сама граница становится условной. С одной стороны, процессы, происходящие во внешнем мире, отражаются в доме, а с другой, – законы внутреннего пространства моделируют реальность дома-природы. Эта взаимообусловленность и подчеркивает диффузность гра-

ниц, актуализирующих концепт «дом» посредством слов-символов, в рамках дихотомии «свое» – «чужое».

В третьей главе «Актуализаторы концептуального поля «дом» в тексте романа А.И. Эртеля "Гарденины"» анализируется достаточно четко выраженное единство конститuentов концептуального поля «дом»: «двор», «сад», «степь». Пространственно-временная сущность данных категорий, представленная в романе А.И. Эртеля «Гарденины» специфичной иерархией семантических единиц, обнаруживает не только и не столько обособленную самоценность каждой, сколько тесное их единство в русской языковой картине мира. При выявлении синкретизма реальных и сакральных смыслов анализируемых сущностей, зафиксированных в авторском слове, словосочетании, предложении, тексте, создается достаточно целостный образ, в котором идеи своего и чужого стяжаются.

В первом параграфе «"Двор" как номинат концептуального поля "дом"» анализируются «двор» и «дом» как две соположенные концептуальные сущности. С одной стороны, *двор* – языковой синоним *дома*, выступающий в качестве точного его эквивалента и повторяющий все оттенки его смысла, с другой – антоним, обозначающий то, что уже *не дом*. Такое противоречие объективно складывается потому, что двор – пограничное пространство, так как «слово дворъ <...> обозначает ограду, забор, защищавший все постройки вокруг жилого дома» [Колесов 2000: 211]. Детально анализируя лексему, В.В. Колесов приходит к выводу, что «*дворь* и *дверь* (курсив наш. – Е.Р.) – слова одного корня; дверь выводила из дома во двор, тогда как ворота распахнуты со двора наружу (весь свет за порогом!)» [Колесов 2000: 212].

Тесное взаимодействие семантики *своего* и *чужого*, влияющее на осмысление текста романа «Гарденины», определяет «двор» как сложный конститuent, в рамках которого «двор» – сакральное пространство – определяется и как часть «дома», и как граница, и, безусловно, как чуждое пространство.

Будучи социально маркированным пространством, в тексте романа конститuent концептуального поля «дом», которым является «двор», репрезентируется с помощью дериватов с корнем *двор-* (*двор*, *дворник*, *дворецкий*, *дворян*, *однодворец*), текстовых синонимов *рабы*, *гарденинские*, *барские*, политомии: *дворничья* – *лакейская* – *немудреный уголок* («Мать сокрушается, что он, дескать, не пимши, не емши в Питере; ничего нет мудреного: чужая сторона не свой брат. И еще она умоляла доложить вашему превосходительству: не найдется ли какого *немудрого уголка* для Ефрема; может в *дворничьей* или в *лакейской*» [с. 39]).

Благодаря словосочетанию *красный двор* выстраивается также и сакральный локус, определяющий свое пространство на оси *красный двор* *красное окно* – *красный угол*: «На левой стороне – "красный двор", на правой, через плотину, – "экономия". "Красный двор" совсем походил на городок» [с. 53]. Сущность *красного двора* определяет хозяйственную деятельность дворянской усадьбы. Текстовый синоним *городок* в этом отношении расширяет пространство двора. Судя по этимологическим данным («*gord – «огороженное место» [Черных: I, 207]) и параллелям из других языков, это действительно так («Ср. лит. *gardas* – "огороженное место", "стойло", "загон"; гот. *gards* – "дом", *garda* – "хлев"; др.-исл. *gardr* – "ограда", "двор", "сад"» [Черных: I, 207]). Этимологическое родство «двора» с такими пространственными сущностями, как «дом», «двор», «сад», становится более очевидным в тексте романа.

Во втором параграфе «"Сад" как экспликатор концептуального смысла "дом – сад"» родовое понятие *сад* определяется как символ, обозначающий «рай на земле», «место для утех и удовольствий», «ирреальный, идеальный мир, в который попадают души умерших». Первичная сакральная целостность сада символизировала его пространственную изолированность, то есть «состояние божественного неведения, когда люди существовали в гармонии с Богом, природой и друг другом, пока они не вкусили запретного плода с Древа жизни и не были изгнаны из рая» [Знаки и символы: 90].

В то же время сад есть мир, в котором человек ощущает себя творцом. Об этом свидетельствует значение лексемы *сад*, зафиксированное в Словаре В.И. Даля: «*Садъ* м. участокъ земли, засаженный стараньемъ челоѣка деревьями, кустами, цвѣтами, съ убитыми дорожками и разнаго рода и вида затѣями, украшеньями. Садъ бываетъ плодовый, или потешный, для прогулокъ» [Даль: IV, 128]. Идея созидания в данном случае есть сотворчество человека и природы. Толковые словари определяют эту взаимообусловленность через два значения: первое, определяющее пространство *сада*, и второе, характеризующее его признак, – возможность произрастания растений: «1. Участок земли, засаженный деревьями, кустами и цветами; 2. Деревья, цветы, растущие на таком участке» [Ефремова: II, 535].

В исследуемом тексте *сад* социально маркирован: фиксируются следующие пространственно-имущественные образования, которые в концептуальном плане отличаются друг от друга: *дворянский сад*, *купеческий сад*, *крестьянский сад*. Каждый имеет свои характеристики и эксплицируется с помощью особого функционирующей иерархии семантических единиц. Так, при описа-

нии *дворянского сада* используются номинации *глубина, конец, приволье, остров, аренда*, которые в своем взаимодействии фиксируют единство реально-физических и сакрально-духовных смыслов, а также определения с явным символическим значением *стоletний, красноватый, темный, барский, огромный, старый*, которые, в свою очередь, описывают «сад» как замкнутую пространственную сущность, сакральный локус.

Дворянский сад как символ традиции, ортодоксальности, стихийности явно негативно оценивается в тексте. Напротив, *купеческий сад* – олицетворение соразмерности, ясности, миропорядка – есть позитивное, организующее начало.

Сущность того и другого явно противопоставлена не только в пространственном, но и во временном отношении. Если *гарденинский сад* есть отражение циклизма в жизни природы, то купеческий, не имеющий такого возраста, воспроизведение линейной, от рождения до смерти, жизни человека. В силу этого ассоциации со словосочетанием-стимулом *гарденинский сад* – это «страх, трепет, опасность» (не секрет, что человек боится того, чего не понимает), а на *купеческий сад* – «знание, четкость, ясность».

Последнее смысловое наложение, преломленное в словосочетании *крестьянский сад*, представляется не менее интересным. Сложность и многогранность этого образа создается с помощью суффикса *-ик-*, образующего «имена существительные мужского рода со значением уменьшительности, которое обычно сопровождается экспрессией ласкательности, иногда – только со значением ласкательности» [Ефремова, II, 586]: «В другую сторону, к западу, зеленел около избы крошечный *садик* подсолнухи, дикая мальва, липка вся в цвету, опадающая сирень, густой куст калины...» [с. 228].

Сад в индивидуально-авторском видении А.И. Эртеля предстает перед нами то как геометрически четкое, евклидово пространство, то как сказочное пространство, во многом обусловленное мифопоэтической традицией, то как феномен действительно ментальной единицы со сложной слоистой структурой, отражающей различные концептуально-семантические смысловые единства.

В подпункте «2.1. Слова-символы *дерево, птица, лес* как репрезентанты конститутивного элемента "сад"» рассматриваются способы актуализации пространственного конституента «сад» при помощи слов-символов. И это отнюдь не поглощение слов-символов другой лексической единицей, а наложение, которое свидетельствует о тесном их взаимодействии, явном смысловом сращении. Подтверждением тому служат те когнитивные признаки, которые в той или иной степени проявляются в тексте. Прежде всего – циклизм, который

в романе раскрывается в противопоставлениях «день – ночь», «весна – зима», в широком смысле «жизнь – смерть», антропоморфизм, связанный с метонимическим переносом. Как следствие этой многогранности – концептуальное наложение смыслов, раскрывающее как реально-физическое, так и сакральное пространство анализируемого художественного текста.

В третьем параграфе «"Степь" как вербализатор концептуальной дилеммы "дом – степь"» наиболее полно в рамках оппозиции «свое – чужое» отражено сложное смысловое взаимодействие внутри концептуального поля «дом». Анализ словарных статей лексемы *степь* свидетельствует о разном объеме ее лексического значения. В словарях современного русского языка в качестве основного денотативного значения выступают семы, выражающие определенный, но недостаточно полный ряд когнитивных признаков: *занимать определенное пространство, иметь ровную поверхность, безжизненность*.

В историко-этимологических словарях обнаруживаем существенные дополнения к ним: во-первых, *степь* – либо низина, либо возвышенность; во-вторых, семантическая объективация пространства различна (через собственно пространственные категории «вырубленное место» или через временные «тянуться, вытягиваться, простираться»); в-третьих, интересна связь с существительными *степень, стопа́* [Фасмер, III: 756]. Семы *протяженность во времени, обозначение водораздела, отсутствие хозяйственной деятельности* обогащают ряд ранее выявленных когнитивных признаков и дают возможность более детального и целостного анализа значения слова.

В этой связи наблюдение Л.В. Миллер сводящееся к положению, что степь – «безграничное неокультурное пространство, стимулирующее проявление кочевого инстинкта» [Миллер 2003: 88], является достаточно спорным ввиду того, что «степь» есть сложный конституент и понимание его несводимо к раскрытию только отрицательных семантических потенций этой пространственной категории. *Степь* в тексте романа А.И. Эртеля «Гарденины» не только содержит семы «беда», «грех», «смерть», но и репрезентирует значения «дом», «родство», «надежда», «исцеление», «очищение» и «возвращение», что связано с такими смысловыми противопоставлениями, как «жизнь – смерть», «свобода – неволя», «конечное – бесконечное», «верх – низ».

Так, идея жизни как вечной ценности объективируется в тексте посредством значения «дом / семья», что весьма значимо для автора и в целом для русского человека, так как окружающий мир больше, чем физическое пространство: это сакральное вместилище всего существующего, прежде всего духа, души [Звездова

2005, Ланская 2007]. Показательны в этом отношении лексемы *матушка*, *благодарить*, которые являются членами текстового синонимического ряда с доминантой *степь*: «степь-то матушка мягчит душу. Экая благодать-то!» [с. 109].

В Словаре В.И. Даля практически во всех значениях слова *мать* фиксируется сема «родство»: «мать, родительница, мать; мать родная, родная; источник чему либо» [Даль, II: 307].

Словосочетание *степь матушка* в романе А.И. Эртеля концептуально важно, так как оно отражает идею единения людей по признаку духовного родства. В этом автор опирается на мифопоэтическую традицию, в которой слово «в первобытном, в первоначальном значении заключает не обман, возвышающий нас, а выражает то, что должно быть» [Федоров 2003, I: 39], то есть синтез реально-физического и священного.

В подпункте «3.1. Слова-символы *путь* и *дорога* как репрезентанты конститутивного элемента "степь"» «дорога – путь» рассматривается и как антиномия, и как концептуальное единство, ядро которого образуют те же слова-символы.

Путь как идея в русской языковой картине мира часто понимается как духовная категория, ибо «стремление к святости подразумевает необходимость отказаться от оседлой жизни и отправиться в путь» [Лотман 1992: 408]. Как следствие этого «разрыв с грехом мыслился как уход, пространственное перемещение» [Лотман 1992: 408]. Таким образом, путь воспринимается как высшая аксиологическая ценность, которая в некоторых случаях выполняет функцию дома [Миллер 2003: 70]. И эти рассматриваемые пространственные сущности концептуально и семантически отнюдь не противопоставляются, но сопрягаются, то есть в смысловом плане представляют некое сакральное единство.

О сакрализации части семантики слова *путь* свидетельствует наличие у него следующих значений: «направление, путь», «межа» [Срезневский, II: 1735 – 1739], которые подтверждают то, что граница между своим и чужим пространством достаточно условна и не вписывается в четко регламентированное противопоставление «свое – чужое», а следовательно, и «дом – не-дом».

Так же, как и дом, слово-символ *путь* в художественном пространстве способно к разрастанию, актуализации части (определенного пространства) как целого (мира). Об этом свидетельствует большое количество дериватов в древнерусском языке, некоторые из которых содержали сему «маленький» – *путик* или, напротив, сему «большой» – *путище*, или образовывали при помощи суффиксов *-ьникъ*, *-ьниц(а)* существительные со значением лица – *путиьникъ*, *путиьница*, то есть

тот, кто сопровождает в путешествии, странствии, словом, в пути (сравни концептуально родственные дериваты, которые содержат корневой морф -*дам*-).

Дорога же, с одной стороны, воспринимается как инвариант *пути*, то есть видовой конкретизатор, а с другой – равноправный член обозначенного противопоставления «*путь* – *дорога*».

В тексте романа А.И. Эртеля «Гарденины» встречаются локусы, в границах которых *путь* и *дорога* функционируют как специфичные синонимы: «С Митрева дня <...> грязные *дороги* превратились в *пути* невероятного истязания» [с. 290], а также локусы, в которых *дорога* по значению противопоставлена *пути* как конкретная, существующая вещь абстрактной, интуитивно осознаваемой закономерности: «Был, Пашка, в старину Батей такой... из каких, не умею тебе сказать. Вот и пошел этот Батей на Русь. Шел, шел... *дорог* нетути, куда ни глянет – степь, да леса, да реки... Где-то деревнюшка притулится в укомном месте. Вот он и придумал по звездам *путь* держать. Оттого и зовется – Батеева *дорога*» [с. 217]. Очевидно, что *путь*, который проторяется по звездам (вертикальный путь), является отражением *дороги* в степи (по горизонтали), что свидетельствует о тесной взаимосвязи вечного (духовного) и вещного (бренного, тленного, материального) миров в мировидении крестьянина Арсения Гомозкова, является вместе с тем важным, по определению В.В. Колесова, дифференциальным признаком индивидуальности русского этноса в целом.

В подпункте «3.2. Слово-символ *смерть* как средство языкового выражения конститутивного элемента "степь"» рассматривается специфика функционирования заявленного слова-символа в рамках перцептуального пространства текста.

В тексте романа лексема *смерть* достаточно частотна и воплощает как реально-физические, так и сакральные смыслы. Так, в разговоре гарденинских крестьян плотника Ивана Федотыча и Арефия *смерть* выступает в значении «духовная черствость». В тексте цитаты из Святого Писания [1 Иоан. 3:14] свидетельствуют о том, что оба героя явно стоят на православных позициях: «Мы знаем, что мы перешли из *смерти* в жизнь, потому что любим братьев: не любящий брата пребывает в *смерти*» [с. 104]. Сама идея смерти синонимична преступлению, страданию, отрицанию жизни. Жизнь же есть любовь к ближнему, который признается таковым не по крови, а по духовному родству, ибо сама лексема *братство* фиксирует значение «братское родство; состояніе въ этомъ родствѣ, по разнымъ его степенямъ и значеніямъ» [Даль, I: 124-125].

Вместе с тем корень *смерт-* в сочетании с уменьшительно-ласкательным суффиксом -*ушк-* создает достаточно древний фольклорный образ (ср., например, но-

минации с тем же значением, воспринимаемые как имена собственные: *смёртушка* – *смеретка* – *смерёточка* – *смерётушка* – *смередушка* [Даль, IV: с. 233]): «– Нича-во-о-о!.. Мы жнем, и *смертушка*, видно, жнет... чего тут?... Божья нива, божья нива, касатка... видно, поспела, что наслал жнецов... Нича-а-во-о-о!..» [с. 285]. Такое отношение к смерти отрицает страх и горе, восходит к древним языческим верованиям о собирании душ умерших. Смерть воспринимается как избавительница, то есть та сущность, которая, возможно, даст новую, лучшую жизнь в ином мире.

Совершенно другой предстает исследуемая лексема в сравнительном обороте *смерть что солнце*: «– *Смерть что солнце*, сказывают, в глаза не взглянешь... Э! и не гляди, и пушай ее» [с. 285]. Эта поговорка зафиксирована в Словаре В.И. Даля при описании слова *смерть*. Повторяется она не дословно, однако смысл остается тот же: «На смерть, что на солнце, во все глаза не взглянешь!» [Даль, IV: 233]. Идея жизни и идея смерти в данном случае не противопоставляются, а благодаря исключительности самой сочетаемости, в силу разной семантики слов, наложенной одна на другую, сопоставляются, создавая неожиданный смысловой и концептуально значимый комплекс [См.: Николина 2003: 192].

В подпункте «3.3. Слово-символ *гость* как средство языковой объективации конститутивного элемента "степь"» анализируется лексема *гость* в ее непосредственной связи с противопоставлением «свое – чужое». Очевидно, что семантика слова *гость* в большей мере связана с домом, то есть внутренним пространством (см., например, значения в современных лексикографических источниках: «1. Тот, кто навещает, посещает кого-либо. 2. Постороннее лицо, приглашенное или допущенное на какое-либо собрание, заседание и т.п. 3. В старину: купец, преимущественно иноземный» [МАС, I: 339]). Вместе с тем в ряде слов с корнем *-гост-* обнаруживаются значения, нехарактерные для современного языкового сознания. Это «дорога» и «место последнего упокоения». Первый случай такого толкования находим в историософском труде И.Е. Забелина «История русской жизни с древнейших времен» и в «Поэтических воззрениях славян на природу» А.Н. Афанасьева. В них отмечается, что *гостинницею*, *гостинцем* именовался «проезжий путь, дорога» [Забелин 2008: 532; Афанасьев 2005: 239]. Подтверждение находим и в лексикографических источниках, в частности в Словаре И.И. Срезневского и Словаре древнерусского языка (XI-XIV вв.), где дается идентичное обнаруженному значение (*гостиньць* – «большая дорога» [СДЯ, II: 372; Срезневский, I: 568]).

В тексте романа *гость* образует полиномию со словами *купец* и *чужой*. Единство этих лексических единиц в плане не тождественности, а общности семантики

бесспорно. Также бесспорно и расхождение их смысловых оттенков. Купец может быть гостем, а значение «гость» может выражаться семантикой слова *купец*.

Границы чужого чрезвычайно гибки. Чужим представляется *дом, угол, край* («– Вы все думаете – управитель, так ему и верить не надо... А теперь поживикось в чужом углу!...» [с. 520]; «– Что ж вы, мол, озорничаете в чужом дому? [с. 193]), что, в сущности, отражает восприятие пространства русским человеком.

Слово-символ *гость* содержит не менее специфичный элемент, который, очевидно, несколько разошелся в значении с мотивирующим словом. Это одно-коренное слово *по-гост*, которое связано, безусловно, с идеей временности пребывания человека на земле и имплицитно мерцательный семантический оттенок «смерть». Значение «кладбище» фиксирует табуированный пространственный локус, то есть то место, где собираются «гости».

Вместе с тем слово *погост* исконно имело значение «церковная община, приход, церковь с жилыми домами, службами» [Фасмер, III: 295; Срезневский, II: 1017-1018], которое достаточно ярко свидетельствует о тесной семантической и концептуальной связи слова с лексемой *дом*. При этом важно отметить, что *дом* и *погост* – это номинации, обозначающие сакральный пространственный локус (ср. семантику слова *погост* с ранее зафиксированным уникальным синонимическим рядом *дом – храм святой Софии – Новгород (город)* [Срезневский, I: 701]).

В тексте зафиксировано лишь единичное употребление лексики *погост* («Тишина, словно на *погосте*..., только пташка свиристит да лягушки квакают» [с. 377]) и полное отсутствие лексем с интегральным значением «кладбище».

Таким образом, постижение пространства степи, зафиксированное в тексте, является важной смысловой доминантой романа «Гарденины». Его освоение в тексте «по горизонтали» выражается такими ключевыми лексическими единицами, как *дорога, тропа, река, поле*. Постигание же «по вертикали» актуализируется следующими словами-символами – *смерть* (как физическая, так и нравственная), *путь, гость, странник, добро*. При этом они семантически взаимодействуют, значения лексем накладываются друг на друга, вследствие чего появляются новые важные смысловые оттенки, которые выявляются на концептуальном уровне, вбирающем в себя все формы выражения человеческого сознания.

В заключении диссертационной работы подводятся итоги исследования.

В содержательном плане «дом» как пространственная сущность и «дом» как важная нравственно-этическая константа тождественны. При всей сложности структуры концептуального поля «дом» в тексте романа А.И. Эртеля «Гарденины» оно актуализирует целостное сакральное пространство, которое, как пуль-

сар, способно расширяться и сжиматься в зависимости от контекста. В этом плане художественный концепт «дом» – живое, синкретичное нечто, аккумулирующее в себе слова-символы, то есть доминанты концептуального поля, а также лексико-семантические, лексико-тематические, ассоциативные ряды.

Концепт «дом» и его конституенты «двор», «сад», «степь» реализуются на всех уровнях концептуального поля: понятийном – *пространство*, образно-символическом – *мать, море, благодать, дорога, путь, смерть, болезнь, гость, странник*; восходят к противопоставлениям *правда – истина, верх – низ, жизнь – смерть*. При этом смысловое наполнение составляющих чрезвычайно велико, ибо они фиксируют как обжитой локус пространства (*дом, двор, сад*), так и обживаемый (*погост, путь, дорога* и др.).

Понятийное и образно-символическое наполнение исследуемых феноменальных сущностей свидетельствует о достаточно длительном этапе формирования этих пространственных категорий в ментальном сознании русского человека.

Значимость концептуального единства исследуемого концептуального поля «дом» настолько велика, что позволяет квалифицировать «двор», «сад» и «степь» как конституенты, принадлежащие не дальней периферии текстового пространства, а важные сегменты, являющиеся важной составляющей концептуального поля «дом».

Изображая перцептуальное пространство, которое формирует мировосприятие героев, автор следует мифопоэтической традиции, основывается на ментальном бытийном и нравственно-духовном базисе, который и является необходимым условием воссоздания действительности конца XIX века.

Основные положения диссертации отражены в публикациях:

В научных журналах, включенных в перечень ВАК

1. Руднев, Е.Н. Путь и дорога в языковой картине мира А.И. Эртеля (на материале романа «Гарденины») / Е.Н. Руднев // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. Аспирантские тетради. – СПб., 2009. – № 101. – С. 176-180. (0,3 п.л.)

2. Ланская, О.В., Руднев, Е.Н. Символика сада в прозе второй половины XIX века / О.В. Ланская, Е.Н. Руднев // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – СПб., 2009. – № 3. – С. 121-129. (0,4/0,4 п.л.)

В других изданиях

3. Руднев, Е.Н. Концепт «болезнь» как лейтмотив романа Ф.М. Достоевского «Идиот» / Е.Н. Руднев // Отражение русской ментальности в языке и речи: Материалы Всероссийской научной конференции / Липецкий ГПУ. – Липецк, 2004. – С. 231-236. (0,4 п.л.)

4. Руднев, Е.Н. Семантическое наполнение когнитивной метафоры «черный человек» в одноименной поэме С. Есенина / Е.Н. Руднев // «Живое Слово разбудит уснувшую душу...»: Материалы Всероссийской научной конференции / Липецкий ГПУ. – Липецк, 2007. – С. 139-143. (0,3 п.л.)

5. Руднев, Е.Н. Лексемы *лестница*, *голос* и *вещь* как репрезентанты художественного пространства в романе А.И. Эртеля «Гарденины» / Е.Н. Руднев // Интерпретация текста: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты: материалы I международной конференции / Забайкал. гос. гум.-пед. ун-т. – Чита, 2007. – С. 112-114. (0,2 п.л.)

6. Руднев, Е.Н. Концептуальное поле «степь» в романе А.И. Эртеля «Гарденины» / Е.Н. Руднев // Актуальные проблемы русского языка и методики его преподавания: материалы X научно-практической конференции молодых ученых. РУДН, 25 апреля 2008 года. – М.: Флинта, Наука, 2008. – С. 244-251. (0,5 п.л.)

7. Руднев, Е.Н. Концептуальное поле слова-символа *окно* в романе А.И. Эртеля «Гарденины» / Е.Н. Руднев // Вісник Луганського національного університету імені Тараса Шевченка. Філологічні науки. Ч.1. – Луганськ: Альма-матер, 2008. – С. 177-183. (0,3 п.л.)

8. Руднев, Е.Н. Языковое воплощение пространства в романе А.И. Эртеля «Гарденины» (концептуальное поле «степь») / Е.Н. Руднев // Концепт и культу-

ра: Россия в глобальном культурном пространстве: материалы III Международной научной конференции. – Кемерово: Изд-во Кемеровского ун-та, 2008. – С. 513-520. (0,5 п.л.)

9. Ланская, О.В., Руднев, Е.Н. Концептуальное поле САД в языковой картине мира (на материале романов Л.Н. Толстого «Война и мир» и А.И. Эртеля «Гарденины») / О.В. Ланская, Е.Н. Руднев // Русский язык, литература, культура в школе и вузе. – Киев: Издательский дом «Аванпост-прим», 2008. – № 5 (23). – С. 10-18. (0,4/0,4 п.л.)

10. Ланская, О.В., Руднев, Е.Н. Концептуализация лексики *дом* в русской языковой картине мира / О.В. Ланская, Е.Н. Руднев // Отражение ментальных представлений в языке: материалы Международной научно-практической конференции. Т.1. / Актобинский ГПИ. – Актобе, 2008. – С. 237-242. (0,3/0,3 п.л.)

102

Подписано в печать 19.10.2009
Бумага офсетная. Гарнитура «Times New Roman»
Формат бумаги 60/84 ^{1/16} Усл. п.л. 1,0.
Тираж 100 экз. Заказ №.

Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования
«Липецкий государственный педагогический университет»
г. Липецк, ул. Ленина, 42

Отпечатано в РИЦ ЛГПУ